

УДК 947.06/08 (470.6)

УСЛОВИЯ И ОСНОВЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В XIX ВЕКЕ

Е.А. Гурова, О.Г. Каранкова

CONDITIONS AND BASES OF INTERCULTURAL INTERACTION BETWEEN RUSSIA AND THE NORTH CAUCASUS IN THE XIX CENTURY

E.A. Gurova, O.G. Karapkova

Аннотация. Статья раскрывает способы и особенности взаимодействия Российской империи с народами Северного Кавказа в XIX веке. Россия предлагала или навязывала такие условия и формы социокультурных отношений, которые вынуждали все прежние устои жизни постепенно корректироваться. Насыщаемость прежнего обитаемого пространства Кавказа инокультурными феноменами постоянно возрастала и вынуждала автохтонов к определенной реакции. Сотрудничество и соотечество за пределами этнической локальности с трудом проникали в менталитет и картину мира горских народов. Но там, где этого достигали, происходил прорыв архаических обыкновений, и люди поднимались на новые ступени цивилизации, значительно расширяли свое жизненное пространство, открывали для себя социокультурные горизонты, которых никогда ранее не предполагали увидеть, пребывая в самодостаточности незыблемого и неизбывного архаизма.

Abstract. The article reveals the methods and features of the interaction of the Russian Empire with the peoples of the North Caucasus in the XIX century. Russia proposed or imposed such conditions and forms of sociocultural relations that forced all previous foundations of life to gradually adjust. The saturation of the former inhabited space of the Caucasus with foreign cultural phenomena constantly increased and forced autochthons to a certain reaction. Cooperation and homeland beyond ethnic locality hardly penetrated the mentality and worldview of mountain peoples. But where this was achieved, a breakthrough of archaic customs took place, and people ascended to new stages of civilization, significantly expanded their living space, discovered sociocultural horizons that they had never expected to see before, being in the self-sufficiency of unshakable and inescapable archaism.

Ключевые слова: Российская империя, Кавказ, взаимодействие, устои жизни, новации, этническая локальность, архаика, адаптация имперское сообщество.

Keywords: Russian Empire, the Caucasus, interaction, foundations of life, innovations, ethnic locality, archaic character, adaptation, imperial community.

Российская империя в рамках своей социокультурной динамики (за редким исключением) никогда не стремилась развиваться в жестко непримиримой и имманентно конфликтной версии в отношении к перифериям и народам, находящимся за её пределами или народами, переживавшими этап адаптации к имперскому сообществу. Приближаясь к Кавказу и проникая на Кавказ, помимо всех видов и всякого набора действий, Россия могла оказывать помощь тем, кто нуждался в её покровительстве. Со временем такие социальные

группы или индивиды становились соотечественниками [13, с. 199; 9; 10]. Более того, Россией проводилось расширение имперского государственного поля, «функционирующего на основе интеграционного принципа» [13, с. 199], а не на принципах апартеида или ксенофобии. Имперский универсализм был не только идеей или принципом, но повседневной практикой, постоянно укреплял свои позиции.

Об этом можно, например, судить по процессам, связанным с постепенным падением интереса в местной кавказской среде к проповеди конкурировавших с имперской идеей в крае идеям панисламизма или пантюркизма. Хотя они никогда окончательно не исчезали из социокультурного или политического пространства Кавказа, но «влияние сопредельного мусульманского Востока» как носителя и мотора их, проявлялась в ослабевающей тенденции [12, с. 116]. Их место заполнялось имперскими сущностями, приспособленными в той или иной мере к местным устоям, по крайней мере, они бесцеремонно не ломали существовавшего ранее, предлагая обновленческую перспективу за пределами привычного мира.

Часто сама реализация имперского способа существования в кавказских условиях демонстрировала большую эффективность, которую прочувствовать и испытать никому не возбранялось. Более того, часть представителей горских сообществ – элита или изгой – в силу разных обстоятельств, вставших на путь восприятия имперских новаций, служили наглядным доказательством позитивности происходивших трансформаций, выступали агитаторами в пользу империи.

Здесь важно отметить такую тенденцию, подтверждающую растущую приемлемость имперского проекта для Кавказа, когда одна из наиболее консервативных и настороженных к предлагавшемуся Россией социальная группа – мусульманское духовенство – все более дистанцировалась от традиционной подчиненности и вовлеченности в систему всемирности исламизма, актуализируя для себя все более устойчивые признаки имперской российской идентичности [12, с. 116].

Постепенно, по мере укрепления своих позиций в том или ином регионе, империя прибегала к разнообразным механизмам инкультурации, т. е. включала процесс приобщения новоприобретаемых этносоциальных пространств к доминирующей в империи системе культурных ценностей, смыслам и образу жизни. Для облегчения развертывания данного процесса весьма часто прибегали к разного рода интерпретациям, когда доминантные культурные сущности подавались в формах и на языке, понятных и приемлемых реципиентам. К данному инструментарию прибегали не столько и не столько из-за сложности донорской культуры, но прежде всего, из-за резистентных свойств и исторического сценария культур-реципиентов. Приходилось совмещать правовые нормы локальных структур с правовыми нормами империи, разворачивать их функционирование и развитие таким образом, чтобы прежние санкционирование должного и обязательного не вступало в противоречие с имперскими

новациями. В этом случае требовалось терпение, осторожность, знания и опыт [6; 11; 14].

На первоначальных этапах межкультурного взаимодействия с перифериями империя могла использовать устоявшиеся традиции местных этносов в своих интересах. Так, на Кавказе российские военные власти, столкнувшись со склонностью местных сообществ к милитарным формам взаимодействия с внешним миром, в которых человеческое и личностное достоинство определялось воинской славой, стали формировать кавказские милицейские контингенты в качестве вспомогательных сил, согласных не только на взаимодействие с империей, но служить её интересам на определенных условиях. Каждодневно разделяя, военный быт и службу царю вместе с коренными представителями Российской империи, горские милиции постепенно привыкали видеть в русских своих сослуживцев, а их культурные особенности переставали быть раздражающим фактором для уроженцев Кавказских гор. Более того, постепенно происходила взаимная аккультурация, участники которой охотно перенимали друг у друга наиболее эффективные способы и формы военной и гражданской жизни. Так косвенным образом те или иные образчики имперского происхождения проникали в жизнь этнических культурных локаций, предопределяя возможность их мирного сосуществования.

Часть представителей горской элиты направлялась в столичные центры России для несения службы в горских эскадронах и обучения в кадетских корпусах. Пребывая в данных условиях достаточно продолжительное время, они воспринимали имперский образ жизни, утверждались в своей новой высокой статусности, которая не только подтверждалась имперскими властями, но и находила свою реализацию в имперском пространстве, обширность которого значительно расширяла возможности как социального престижа, так и удовлетворенности личностных притязаний.

В силу понимания того обстоятельства, что культурные фундаменты закладываются воспитанием и обучением, имперские власти активно задействовали потенциал имперской образовательной системы, распространяя действие своих учебных округов на пространства имперских периферий. Создавая систему просветительных и культурных учреждений в ареале присоединяемых территорий, имперские власти и соответствующие организационные структуры производили отбор и вовлечение местных элит в систему русско-европейской цивилизации, давая возможность познакомиться и узнать не только с достоинствами жизни России, но и Европы, бывшей в XIX веке лидером глобального успеха и прогресса.

Люди, прошедшие такой путь, переживали значительную интеллектуальную перенастройку и уже безоговорочно не соглашались с постулатами своих прежних социокультурных парадигм. Они становились добровольными и активными ретрансляторами имперской культуры и образа жизни в пространства своего этнического происхождения, желая ему выхода на широкий простор прогресса и освобождения от оков архаики.

Другим способом усилить влияние имперской социокультурной парадигмы на локальные сообщества присоединяемых периферий был иницилируемый империей приток новопоселенцев [2; 4; 5; 8; 9, с. 187–231; 10, с. 190–227]. Переселенцы нужны были для того, чтобы изменить соотношение акторов социального поля в пользу тех, кто связывал своё будущее с империей и одновременно расширить социальную базу своего присутствия в том или ином регионе. Прежде всего Российской империи на окраинных фронтах требовался славяно-русский элемент или, на худой конец, элемент европейский и христианский, особенно для пространств с преобладанием культуры исламского или иного восточноазиатского генеза.

Насыщая тот или иной периферийный регион лояльными людьми, являвшимися носителями имперской или сходной культуры, российские власти изменяли демографическую ситуацию таким образом, что поле имперского пространства расширялось и уплотнялось настолько, что автохтоны не могли укрываться в своей локальности и вынуждались к каждодневному взаимодействию с теми или иными формами имперского быта.

В условиях, когда пространство социального и географического существования наполнялось новой для регионов хозяйственной, административной, архитектурной и иной атрибутикой, новыми по форме антропоморфными преобразованиями окружающей среды, прежняя система социокультурного бытия постепенно ослабевала и теряла свою функциональную действенность [3]. По крайней мере, все прежние способы жизни подвергались коррекции из-за установившихся новых условий и обстоятельств. Постепенно корректировались даже глубинные основания локальных обыкновений [7].

Насыщаемость прежнего обитаемого пространства периферий инокультурными феноменами постоянно возрастала и вынуждала автохтонов к соучастию, которое делалось возможным для них только после обновления привычных способов взаимодействия с социальным окружением. Горским сообществам Кавказа приходилось подавлять привычку видеть во всяком ином врага или добычу. Сотрудничество и соотечество за пределами этнической локальности с трудом проникали в менталитет и картину мира горских народов. Но там, где этого достигали, происходил прорыв архаических твердынь, и люди поднимались на новые ступени цивилизации, значительно расширяли свое жизненное пространство, открывали для себя социокультурные горизонты, которых никогда ранее не предполагали видеть и знать, пребывая в самодостаточности незыблемого и неизбывного архаизма.

Вторжение инокультурности и создание ею прочных основ своего существования, потрясали незыблемость локальности периферий и доказывали невозможность обращения событий вспять. После жестокой борьбы с внешними силами (в данном случае Российской империей), невозможность их вытеснения за пределы привычного мира стала объективной реальностью и потребовала саморефлексии. Следствием в большинстве случаев стали рационализм и здравый смысл, а новые возможности имперской глобальности

только укрепляли тенденции самообновленчества, постепенно насыщавших явно или латентно структуры этнической локальности имперских периферий, направив генеральное социокультурное развитие к сосуществованию и соучастию, постепенно (иногда через поколения) к соотечеству в рамках империи.

Наибольших успехов имперские власти в своей социокультурной деятельности добивались там, где процессы межкультурного взаимодействия приобретали форму эмпатии, т. е. подразумевали использование системы «выработанных человечеством ценностей, норм, институтов, ориентированных на этико-эстетическую рационализацию мира и бытия человека в мире – на производство и воспроизводство сочувственного, понимающего, эстетически выдержанного сознания и поведения» [1, с. 95].

Важной точкой отсчета продвижения имперской культуры и имперского образа жизни в инокультурное поле локальной социокультурности становился момент перехода от использования преимущественно силовых инструментов и любых других форм жесткой модальности к диалоговым. Когда империя, понимая свою силу и опираясь на материальные основы своего присутствия в ареале той или иной локальной периферии, которой предлагалось сделаться неотъемлемой частью пространства империи, постепенно, не отказываясь от комплексности своих преобразовательных усилий, расширяла диалоговую сферу взаимодействия со своими перифериями. Это требовало усилий с двух сторон: локальный социум должен был пройти определенную дистанцию и подготовиться к восприятию имперских новаций, перейти от защитной непримиримости против имперской инокультурности, взламывающей его традиционное существование, найти приемлемые для себя способы восприятия и сосуществования с привносимыми извне феноменами; Россия также вынуждалась к переменам в межкультурном взаимодействии, она должна была так настроить своё отношение к периферийным сущностям, чтобы перестать видеть в контрагентах только объекты для преобразовательной деятельности, т. е. согласиться на определенную долю их субъектности, выделяя сферы и лиц, с которыми и в рамках которых собиралась вести диалог.

С другой стороны, нельзя утверждать, что российский опыт социокультурного освоения полиэтнического пространства имперских периферий проходил однозначно гладко уже в силу того, что в каждой культуре существует система защитных механизмов, которые предохраняют их от слишком интенсивного инокультурного воздействия. К таким защитным механизмам относятся исторический опыт, традиции, ценности. Никогда не удавалось свести воедино несовпадающие ценности различных культур, чтобы произошло окончательное и завершённое объединение народов и навсегда бы преодолевалась ситуация «столкновения цивилизаций». В ареале имперских периферий оставался непреодоленной преградой социокультурный фронт, разный по своим сущностям, масштабам и динамике.

Ядром всякой этнической культуры является определенный набор «правил игры» [15, с. 26], сложившихся в процессе исторического существования данной социальной общности. В силу того, что такие «правила игры» не наследуются генетически, а могут усваиваться в процессе социализации, империя могла надеяться на сокращение культурных дистанций в системе существовавших периферийных фронтиров по мере сближения коллективного сосуществования в рамках имперской парадигмы с периферийными этническими сообществами. Направляя их развитие по пути общей совместной деятельности, вовлекая в реализацию различных по форме имперских проектов, она могла концентрировать этническое внимание периферий не на остававшихся в наличии отличающихся культурных сущностях, а на формировании в общем для них пространстве задач и продуктов, становящихся достоянием и славой всех.

Ментальные и инструментальные особенности этнических локаций и их исторических практик в данном случае вплетались в социально-культурную структурность империи в качестве конкурентного преимущества каждой локации, выступающей составной частью общего единства, или хотя бы приближались к такому порядку вещей.

Появление и существование локальных культур невозможно предотвратить в силу объективных причин – географического полиморфизма, который в определенной жесткой степени задает параметры социокультурной локальности. Только насильственное переформатирование окружающего пространства на уровне экологической катастрофы или депортация этносов могли повлиять на структуру социокультурной локальности данной этнической группы. А так как Российская империя не ставила перед собой таких способов преодоления социокультурной локализации в своих пределах, то и сосуществование имперской культуры и образа жизни совместно с локальными этно-социальными формами в пределах фронтиров объективны.

В то же время существовавшие в имперском пространстве система ценностей, культура, законы и все иные цивилизационные основания определяли его интересы и характер. Доминирующий центр, его язык, религия и стиль жизни могут отличаться от всех иных локальностей, попадавших в сферу его влияния. Но, поскольку империи являются социокультурными сообществами составного характера, концентрирующимися вокруг имперского центра, то наличествующие особенности периферийных локаций не препятствуют формированию их единства, если преодолеваются разногласия по поводу общих ценностей, когда исходным ресурсом для достижения межкультурного консенсуса в рамках имперского пространства выступает наличие в системе культур этнических локаций и центра «позитивных общечеловеческих ценностей» [16, с. 267].

Живучесть и доминантный характер российской имперской культуры проявляется в том, что в центре её всегда стоит вопрос о власти. Сохраняя власть в своих руках, имперский центр посылает властные импульсы своим перифериям, формулирует для них соответствующие их возможностям цели.

Культурные достижения всех имперских периферийных локаций, в силу открытости имперской культуры навстречу к ним обогащаются общим для них имперским достоянием и постоянно получают импульсы к саморазвитию. Изоморфность социокультурного и политико-правового устройства империи придает гибкость её государственному устройству.

Особенность существующего положения состоит в том, что вне поля имперской культуры, имперской власти и имперского образа жизни, все периферийные общности, если они по той или иной причине начинают противостоять центру, утверждая приоритетность своей культурной традиционности, неизбежно скатываются в изоляционизм и теряют способность поступательного развития. Исторический опыт здесь беспощадный судья. Почти все осколки Российского имперского единства существуют в системе координат лимитрофов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бгажноков, Б. Х. Культура эмпатии / Б. Х. Бгажноков. – Текст : непосредственный // Толерантность и культурная традиция / под ред. М. Ю. Мартыновой. – М. : ИЭА РАН, 2002. – С. 95–108.
2. Гинс, Г. К. Переселение и колонизация. Выпуск 2 / Г. К. Гинс. – СПб., 1913. – 65 с. – Текст : непосредственный.
3. Гранкин, Ю. Ю. Наместничество и реализация стратегии экономического развития Северного Кавказа в 1844–1881 гг. / Ю. Ю. Гранкин. – Пятигорск : Изд-во ПГЛУ, 2011. – 403 с. – Текст : непосредственный.
4. Долгушин, А. А. О переселении в Терскую область из внутренних губерний России / А. А. Долгушин. – Владикавказ, 1907. – 73 с. – Текст : непосредственный.
5. Кабузан, В. М. Население Северного Кавказа в XIX–XX веках : этностатистическое исследование / В. М. Кабузан. – СПб. : Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1996. – 224 с. – Текст : непосредственный.
6. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб. : Изд-во журнала «Звезда», 2005. – 720 с. – Текст : непосредственный.
7. Карпов, Ю. Ю. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы / Ю. Ю. Карпов, Е. Л. Капустина. – СПб. : Петербургское востоковедение, 2011. – 448 с. – Текст : непосредственный.
8. Кауфман, А. А. Переселение и колонизация. Государственная политика и крестьянское землевладение в пореформенной России / А. А. Кауфман. – М. : Либроком, 2012. – 440 с. – Текст : непосредственный.
9. Клычников, Ю. Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.) / Ю. Ю. Клычников. – Пятигорск : Изд-во ПГЛУ, 2002. – 494 с. – Текст : непосредственный.
10. Лазарян, С. С. Экономическая, социальная и этно-конфессиональная политика князя М.С. Воронцова в Кавказском крае. 1845–1854 гг. / С. С. Лазарян. – Пятигорск : ПГЛУ, 2014. – 398 с. – Текст : непосредственный.

11. Маремкулов, А. Н. Юридические формы политики Российской империи на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв.: историко-правовой аспект / А. Н. Маремкулов. – Ростов н/Д. : Северо-Кавказская академия государственной службы, 2005. – 316 с. – Текст : непосредственный.

12. Матвеев, В. А. Российская политика на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв. (управленческие аспекты) / В. А. Матвеев. – Ростов н/Д. : Омега-Принт, 2010. – 336 с. – Текст : непосредственный.

13. Матвеев, В. А. Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.) / В. А. Матвеев. – Ростов н/Д. : Омега Паблишер, 2012. – 560 с. – Текст : непосредственный.

14. Мисроков, З. Х. Адат и шариат в российской правовой системе: исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе / З. Х. Мисроков. – М. : Изд-во МГУ, 2002. – 256 с. – Текст : непосредственный.

15. Садохин, А. П. Межкультурная коммуникация / А. П. Садохин. – М. : Альфа-М ; ИНФРА-М, 2004. – 288 с. – Текст : непосредственный.

16. Садохин, А. П. Этнология / А. П. Садохин. – М. : Альфа-М ; ИНФРА-М, 2011. – 352 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Bgazhnokov B. Kh. The culture of empathy. *Tolerantnost' i kul'turnaya tradiciya = Tolerance and Cultural Tradition*, M., IEA RAS, 2002, pp. 95–108. (In Russian).

2. Gins G.K. *Pereselenie i kolonizaciya* [Resettlement and Colonization]. SPb., 1913, Iss. 2, 65 p.

3. Grankin Yu.Yu. *Namestnichestvo i realizaciya strategii ekonomicheskogo razvitiya Severnogo Kavkaza v 1844–1881 gg.* [Viceroyalty and Implementation of the Strategy of Economic Development of the North Caucasus in 1844–1881]. Pyatigorsk, Publishing House of PSLU, 2011. 403 p.

4. Dolgushin A.A. *O pereselenii v Terskuyu oblast' iz vnutrennih gubernij Rossii* [About the Resettlement to the Terek Region from the Inner Provinces of Russia]. Vladikavkaz, 1907. 73 p.

5. Kabuzan V.M. *Naselenie Severnogo Kavkaza v XIX–XX vekah. Etno-statisticheskoe issledovanie* [The Population of the North Caucasus in the XIX–XX Centuries. The Ethnic and Statistic research]. SPb., Russian-Baltic Information Center "BLITS", 1996. 224 p.

6. *Kavkaz i Rossijskaya imperiya: proekty, idei, illyuzii i real'nost'. Nachalo XIX – nachalo XX vv.* [The Caucasus and the Russian Empire: Projects, Ideas, Illusions and Reality. The Beginning of the XIX – Early XX Centuries]. SPb., Publishing House of Journal "Zvezda", 2005. 20 p.

7. Karpov Yu.Yu., Kapustina E.L. *Gortsy posle gor. Migracionnye processy v Dagestane v XX – nachale XXI veka: ih social'nye i etnokul'turnye posledstviya i perspektivy* [Gortsy after the Mountains. Migration Processes in Dagestan in the XX – Beginning of the XXI Century: Social and Ethno-Cultural Consequences and Prospects]. SPb., Peterburgskoe Vostokovedenie, 2011. 448 p.

8. Kaufman A.A. *Pereselenie i kolonizaciya. Gosudarstvennaya politika i krest'yan-skoje zemlevladienie v poreformennoj Rossii* [Resettlement and Colonization. State Policy and Peasant Land Ownership in Post-Reform Russia]. M., Librokom, 2012. 440 p.

9. Klychnikov Yu.Yu. *Rossijskaya politika na Severnom Kavkaze (1827–1840 gg.)* [Russian Policy in the North Caucasus (1827–1840)]. Pyatigorsk, Publishing House of PSLU, 2002. 494 p.

10. Lazaryan S.S. *Ekonomicheskaya, social'naya i etno-konfessional'naya politika knyazyu M.S. Voroncova v Kavkazskom krae 1845–1854 gg.* [Economic, Social, and Ethno-Confessional Policy of Prince M. S. Vorontsov in the Caucasus Region. 1845–1854]. Pyatigorsk, Publishing House of PSLU, 2014. 398 p.

11. Maremkulov A.N. *Yuridicheskie formy politiki Rossijskoy imperii na Severnom Kavkaze v XVIII–XIX vv.: istoriko-pravovoj aspekt* [Legal Forms of the Policy of the Russian Empire in the North Caucasus in the XVIII–XIX Centuries: Historical and Legal Aspects]. Rostov-on-Don, North Caucasus Academy of State Service, 2005. 316 p.

12. Matveyev V.A. *Rossijskaya politika na Severnom Kavkaze vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. (upravlencheskie aspekty)* [Russian Policy in the North Caucasus in the Second Half of the XIX – Early XX Centuries (Management Aspects)]. Rostov-on-Don, Omega-Print, 2010. 336 p.

13. Matveyev V.A. *Rossijskaya universalistskaya transformaciya i separatizm na Severnom Kavkaze (vtoraya polovina XIX v. – 1917 g.)* [Russian Universalist Transformation and Separatism in the North Caucasus (the Second Half of the XIX Century – 1917)]. Rostov-on-Don, Omega Publisher, 2012. 560 p.

14. Misrokov Z. Kh. *Adat i shariat v rossijskoj pravovoy sisteme: istoricheskie sud'by yuridicheskogo plyuralizma na Severnom Kavkaze* [Adat and Sharia in the Russian Legal System: the Historical Fate of Legal Pluralism in the North Caucasus]. M.: Publishing House of MSU, 2002. 256 p.

15. Sadokhin A.P. *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Intercultural Communication]. M., Al'fa-M; INFRA-M, 2004. 288 p.

16. Sadokhin A.P. *Etnologiya* [Ethnology]. M., Al'fa-M; INFRA-M, 2011. 352 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Гурова, Е. А. Условия и основы межкультурного взаимодействия России и Северного Кавказа в XIX веке / Е. А. Гурова, О. Г. Карапкина // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2021. – № 2. – С. 63–71.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Gurova E. A., Karapkova O. G. Conditions and Bases of Intercultural Interaction Between Russia and the North Caucasus in the XIX Century / E. A. Gurova, O. G. Karapkova // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2021, No. 2, pp. 63–71. (In Russian).